

Библиографические ссылки

1. Алимжанов А. Возвращение учителя / А. Алимжанов. – М. : Советский писатель, 1979.
2. Алимжанов А. Стрела Махамбета / А. Алимжанов. – М. : Известия, 1972.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М., 1980.
4. Джандарбеков Б. Томирис / Б. Джандарбеков. – Алма-Ата : Жалын, 1981.
5. Жаксылыков А. Белый архар / А. Жаксылыков // Окно в степь. – Алма-Ата, 1987.
6. Кожевникова Н. А. О соотношении речи автора и персонажа / Н. А. Кожевникова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М., 1977.
7. Новиков Л. А. Категория автора как детерминанта художественного текста / Л. А. Новиков // Структурно-семантический анализ художественного текста : сб. науч. трудов. – Харьков, 1989.
8. Санбаев С. Дорога только одна / С. Санбаев. – М. : Молодая гвардия, 1974.
9. Туманова А. Б. Языковые средства выражения авторизации в художественном произведении : дис. канд. ... филол. наук / А. Б. Туманова. – Алматы, 1994.
10. Туманова А. Б. К вопросу о менталитете и ментальности / А. Б. Туманова // Русский язык и литература в XXI веке : теоретические проблемы и прикладные аспекты : сб. науч.-метод. матер. I Междунар. конгресса. – Москва–Астана, 2007.

Надійшла до редколегії 25.03.08

УДК 811.161.1'373.2 + 811.161.2'373.2

И. И. Турута

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (на примере паремий русского и украинского языков)

Досліджуються у порівняльному аспекті російські та українські паремії з онімним компонентом, виявляються типи онімних одиниць, склад паремійного антропонімікону, функції антропонімів у пареміях, їх роль у відображенні національно-мовної картини світу.

Исследуются в сопоставительном аспекте русские и украинские паремии с онимным компонентом, определяются типы онимных единиц, состав паремического антропонимикона, функции антропонимов в паремиях, их роль в отображении национально-языковой картины мира.

The Russian and Ukrainian proverbs with an onym component are probed in a comparative aspect, the types of onym units, composition of proverb anthroponymicon, functions of anthponyms, and their role in representing the nationally linguistic picture of the world are discovered.

В последнее время в лингвистике широкое распространение получило исследование отражения культурного кода, «национального образа мира» [4], национального менталитета [6; 11] в текстах разных типов (фольклорных, художественных, публицистических), различных исторических периодов, а в целом – выявление национально-языковых особенностей на примере конкретных единиц языка (от лексем до синтаксем).

В кругу данных работ особое место занимают исследования различных фольклорных жанров (сказок, песен, былин, паремий и др.) как самых первых фик-

саторов национального менталитета, в которых анализируются языковые маркеры национально-культурной ментальности (отдельные лексемы, конкретные лексико-семантические группы, в частности, наименования орудий производства, домашней утвари, продуктов питания, характеристика исторических реалий и т. д., целые подсистемы языка, например, ономастическая). Обычно анализу подвергаются фольклорные тексты отдельной национальной культуры – русской, украинской, белорусской, – хотя несомненный интерес представляет сопоставление аналогичных текстов или целых фольклорных жанров в двух-трех культурах, и в первую очередь – близкородственных, определение как общих или сходных черт, так и выявление сугубо национальных.

Паремии (их мы вслед за рядом исследователей относим к фразеологическому фонду) как разновидность жанров фольклора в сжатой, лаконичной форме формулируют народное (шире – национальное) представление об общечеловеческих ценностях, мироздании, религиозных и культурных традициях, о национальном характере. Еще Ф. И. Буслаев писал, что фразеологизмы – это своеобразные микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [3, с. 37]. Не случайно М. А. Шолохов в предисловии к самому полному собранию русских пословиц и поговорок, составленному В. И. Далем, назвав паремии «сокровищницей народной мудрости», подчеркнул, что «ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах» [5, с. 3]. В. А. Маслова, изучая фразеологизмы в культурологическом аспекте, отмечает, что они – «душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [9, с. 82].

В данном исследовании в ходе сопоставительного анализа русских и украинских устойчивых народных выражений с онимным компонентом, извлеченных из двухтомного сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [5] и сборника «Українські народні прислів'я та приказки. Дожовтневий період» [14], предпринимается попытка установить типы онимных единиц, представленных в русских и украинских пословицах и поговорках, определить состав паремийного антропонимикона, выявить функции собственных имен (СИ) в паремиях, обнаружить эквивалентные русские и украинские народные фразеологизмы, что должно способствовать показу национально-языковой специфики паремий, заключенной в онимном компоненте.

Как известно, СИ являются не только лингвистическими, но и экстралингвистическими единицами, поэтому они способны аккумулировать в своей семантике различную информацию, к тому же часто относящуюся к культурам других народов или к другим историческим периодам. Это могут быть сведения из истории античного мира в составе некоторых канонических имен греческого или латинского происхождения (*Антонин, Спартак, Роксана, Аврелиан, Ромул*), характеристика топографических особенностей или природных богатств тех или иных территорий в названиях населенных пунктов (*Кисловодск, Кривой Рог, Луцк*), история государства, представленная в мемориальных топонимах (*Екатеринослав, Львов, Санкт-Петербург*), история появления конкретного города (*Винница, Троицк*) или же история возникновения, например, ремесел в данном государстве, зафиксированная в антропоосновах фамилий (*Кожмякин, Кузнецов, Кравченко, Скляренко*) и т. д.

Собственное имя – это ориентир во времени и пространстве (В. А. Никонов), помогающий с большей или меньшей точностью определять время возникновения конкретной группы онимных единиц, например, фамилий, место их первой фиксации или наиболее широкого распространения, например, так называемые сибир-

ские фамилии, а также время и место появления текстов, включающих данные онимные компоненты.

Анализ русских и украинских паремий позволяет выявить в них большое многообразие СИ различных групп. Это антропонимы (*Наши Андрей никому не злодей* [5, т. I, с. 93], *Для нашего Федота не страшна робота* [14, с. 273]) и топонимы (*На Руси никто с голоду не умирал* [5, т. I, с. 258], *Від Києва до Кракова всюди біда однакова* [14, с. 42]), составляющие большую часть паремийного онимного пространства, а также зоонимы (*Баску съели. Баска, Баска, на тебе костку* [5, т. I, с. 265], *Не один пес Гривко* [14, с. 128]). Древний человек был глубоко верующим, богобоязненным, поэтому в паремиях широко представлены имена святых (агионимы) в составе названий религиозных праздников (*Кто перед днем св. Космы и Дамиана постится. От смертного греха избавлен будет* [5, т. I, с. 32], *У кожнім році два Миколи, на першого Миколи не буває холодно ніколи, а на другого Миколи не буває тепло ніколи* [14, с. 236]) или дней сельскохозяйственного календаря (*Дождидайся Юрьева дня, когда рак свиснет* [5, т. I, с. 231], *На теплого Олекси шука-риба лід хвостом розбиває* [14, с. 234]), наименования героев библейских произведений (*Адам прельщен женою, а жена змеею* [5, т. I, с. 135], *Єва та й та согрішила, а про нас і балакати нічого* [14, с. 496]) и религиозных текстов (*Ваши слова – хоть в Библию, а наши и в татарские святцы не годятся* [5, т. I, с. 322]), а также названия культовых сооружений (экклезионимы): *У Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят* [5, т. I, с. 259]. Две последние группы, в отличие от предыдущих, имеются только в русских пословицах.

Самой многочисленной как в русских, так и в украинских паремиях является группа антропонимов, включающая различные формы личных имен (полные, сокращенные, производные, народные), фамилии, сочетание имен и отчеств, а также прозвища. Сопоставление антропонимикона русских и украинских паремий дает представление о традициях наречения ребенка у восточных славян, о преобладании в реальном именнике заимствованных имен греческого, латинского и древнееврейского происхождения. Подтверждением этому являются всего лишь два славянских имени (*Богдан и Борис*) в составе только русских паремий на фоне более 200 имен, зафиксированных в анализируемых устойчивых выражениях.

Количественный анализ личных имен в русских и украинских пословицах и поговорках позволил выявить практически одинаковое число женских имен (40 в русских и 34 в украинских), к тому же почти 70% имен данного списка являются совпадающими (*Агаша – Гапка, Анна – Ганна, Варвара, Афимья – Хима, Катерина, Настя, Прасковья – Параска, Устинья – Устя, Федора, Хавронья – Хівря* и др.). Что же касается мужских имен, то диапазон форм именования мужчин в русских паремиях превышает украинский паремийный мужской именник приблизительно в два раза (142 имени в русских и 76 – в украинских), а вот число совпадающих имен составляет 50% (*Андрей – Андрій, Еремей – Веремій (Ярема), Григорий – Гриць, Демид, Денис, Захар, Иван – Иван, Мартын – Мартин, Мирон, Роман, Савва – Сава, Спиридон – Свирид, Тарас, Фома – Хома, Яков – Яків* и т. д.). При этом важно подчеркнуть, что соотношение женских и мужских имен в пословицах и поговорках (1 к 3 в русских паремиях и 1 к 2 – в украинских) отражает их соотношение в реальном именнике, т. е. естественное преобладание мужских имен, зафиксированное, в частности, в «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского [10].

Понятно, что большой процент совпадающих имен подчеркивает общность происхождения восточнославянского именника, а вот национальная специфика проявляется в производных формах личных имен, в сугубо национальных суффиксах оценочности (сравн.: *Алеха, Андрюшка, Афоня, Егорка, Еремушка, Кузьенька, Пашенька, Спирия, Федька, Фомище* и *Грицько/Гриць, Захарко, Митька, Олесь*,

Панько, Петрусь, Савочка, Федь, Хомка; Аксютка, Аринушка, Груша, Дунька, Катя, Малаха, Машиенька, Окуля, Парашиа, Устя и Гандзя, Гапка, Гануся, Луця, Марійко, Параска, Стеха, Тереса, Хвеська, Химка).

«Национальное лицо» паремийного имени выявляется также и благодаря определенным грамматическим формам, характерным для конкретного языка, например, звательной форме. Широкое ее функционирование в украинской речи (как известно, это черта, характерная еще для праславянского языка, позже была утрачена русским языком) отражено и в украинских паремиях. Например: *Терпи, Грицю, хоч яка спека* [14, с. 89], *Плати, дурний Иване, та подякуй панам, що гроші беруть!* [14, с. 109], *Совайся, Нечипоре, по гарячій сковороді* [14, с. 195], *От і крути, Хомо, головою* [14, с. 437], *З богом, Парасю, поки люди трапляються* [14, с. 629], *Радуйся, Фесе, кіт сало несе! Радуйся вельми, бо вже перед дверми!* [14, с. 489], *Не зівай, Химко, – на те ярмарок* [14, с. 305]. В русских же паремиях данная форма представлена единичными примерами: *Ерема, Ерема! Сидел бы ты дома да точил веретена* [5, т. I, с. 255], *Владей, Фаддей, нашей Наташей* [5, т. I, с. 183], *Прищуривай, Агашика, на левый глаз* [5, т. I, с. 371].

Паремийный антропонимикон дает представление и о наиболее частотных именах в русской и украинской языковой культуре, хотя естественно, что на разных территориях России и Украины состав частотных, т. е. популярных имен мог колебаться. Но, несмотря на то, что в анализируемых сборниках практически не отмечена территориальная привязка паремий, все же полученные результаты довольно показательны. Так, среди мужских имен наиболее частотными в русских паремиях являются *Иван, Фома, Макар, Яков, Семен*, в украинских – *Иван, Хома, Григорій* (в основном в форме *Гриць*), *Сава* (чаще *Савка*), *Микита*, т. е. как в русских, так и в украинских народных устойчивых выражениях имена *Иван* и *Фома* имеют самую высокую частоту употребления, а среди женских к самым частотным относятся *Мария, Варвара, Маланья, Матрена, Катерина, Софья* и *Гапка (Агафія), Параска/Парася (Парасковія), Хима/Химка (Юхимія), Катерина/Катря, Настя*.

Высокочастотные паремийные имена могут и не совпадать с наиболее частотными в реальном именнике, но то, что имена *Иван* и *Мария* являлись частотными на Руси на протяжении XVII – XIX вв. – факт бесспорный и подтвержденный многими исследованиями (см., например, материалы В. Д. Бондалетова [2, с. 113–123], Л. М. Щетинина [15, с. 172–209]). Однако в других жанрах фольклора частотными могут быть совсем иные имена. Так, по данным Н. С. Колесник, в украинских народных обрядовых песнях к частотным относятся *Иван, Василь, Петро, Григорій, Микола* и *Ганна, Марія, Марина, Анастасія, Меланія* [7, с. 15]).

Если имя *Иван* является сквозным для всех жанров фольклора (к имеющимся данным следует добавить и его преобладание в сказках на фоне 86 мужских имен, зафиксированных в сборнике «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева), то некоторые имена можно считать сугубо паремийными, которые представлены или только в паремиях, или в них в большей степени (например, *Фома / Хома*).

В лингвистической литературе давно общепризнанным является утверждение о высокой степени обобщения личных имен в паремиях, об их сходстве по выполняемым функциям с местоимениями, т. е. о зависимости выбора того или иного имени, в первую очередь, от рифмы, на что обращают внимание многие исследователи [7; 8, с. 116–117; 12]. Подтверждением данного явления могут служить паремии с вариантными именами (*Наш Андрей (Авдей) никому не злодей* [5, т. I, с. 93, 95], *Плохо, Тереха (Алеха), хило, Вавила* [5, т. I, с. 109], *Товчеться, як Марко (Сивко) по (у) пеклу(і)* [14, с. 515]).

Но именно в рамках данных речевых единиц личные имена могут приобретать новые, контекстуальные значения, позволяющие использовать их в дальней-

шем в речи как символы или заменители определенных человеческих качеств. Помимо имени *Иван / Иван*, это *Фома / Хома*, *Емеля*, *Афоня*. Например: любой человек (*Иванов*, как *грибов поганых* [5, т. II, с. 173]), простой человек (*Пан з паном*, а *Иван з Ивановом* [14, с. 704]), глупый человек (*Пошли Ивана*, за *Иваном* болвана, за болваном еще дурака, так и сам иди туда [5, т. I, с. 328], *Фома не купит ума*, своего продаст [5, т. I, с. 336], *Ему говоришь про попа*, а он про *Емелю* дурака [5, т. I, с. 357], *У трех братьях дураки – Иванушки*, а одиночные – *Емели да Афони* [5, т. II, с. 174]; *Плати, дурний Иване*, та подякуй панам, що гроші беруть! [14, с. 109], *Мудрий Иван по шкоді: коні вкрали, тоді він стайню зачинив* [14, с. 393], *І ззаду знать, що Хомою звать* [14, с. 388]).

Возведение одних и тех же СИ в онимные символы русской и украинской культуры является еще одним доказательством общности происхождения данных языков, а также общности формирования определенных фрагментов национально-языковой картины мира.

На фоне личных имен фамилии занимают незначительное место в паремийном именнике, однако именно они аккумулируют национальную память, отражают национальный менталитет. Чаще всего это наименования исторических лиц, которые опосредованно характеризуют определенный исторический период конкретного государства, т. е. являются хронотопами. В русских паремиях данные имена в основном соотносятся с Петровской эпохой (*Бог не Мануков*, и без посула милует (Мануков – вице-губернатор в СПб, 1712 г.) [5, т. I, с. 146], *Пропал*, как *Бекович* (при Петре I посланный в Хиву и погибший с отрядом) [5, т. I, с. 270]) или выступают своеобразными символами определенных человеческих качеств (*Малюта Скуратов – злодей*, мучитель [5, т. I, с. 270], *Гришка Отрепьев – вор*, самозванец, проклятый [5, т. I, с. 270], *Степан Разин на ковре летал и по воде плавал* [5, т. I, с. 270]). В украинских народных фразеологизмах фамилии связаны с периодом существования Запорожской Сечи (*Славний козак Максим Залізняк – славнішее Запорожжя* [14, с. 205]) и с народно-освободительным движением (*Пане Вишневецький*, а нум виведи танчик по-німецьки! (Вишневецький – найлютіший ворог українського народу, був поранений у ногу; в облозі під Збаражем так до нього примовляли козаки) [14, с. 203]).

Помимо национальной экстралингвистической информации фамилии имеют и национальную языковую форму выражения, заключенную в национальных фамилеобразующих формантах. Среди паремийных фамилий имеются и реальные, т. е. бытующие в реальной языковой среде (*Есть ли таков*, как *Иван Русаков? Сел на конь и поехал в огонь* [5, т. II, с. 92]; *Леле, діду, леле, бабо! Леле, Коваленку! Та понесім погуляти дитину маленьку* [14, с. 604]), и фамилии, созданные народом по образцу реальных и характеризующиеся яркой внутренней формой, например: *Идти на вести к генералу Кукушкину* (вост.-сиб. О ссыльных, идущих шататься каждую весну) [5, т. I, с. 215] (здесь, по всей видимости, обыгрывается компонент значения апеллятива *кукушка* «...птица, обычно не вьющая своего гнезда...» [1, с. 479]). В украинском сборнике в разделе о пьяницах представлены окказиональные фамилии, напоминающие казацкие: *Неминайкорчма*, *Непролийкрапля* [14, с. 504].

Что же касается эквивалентных паремий с онимным компонентом, то их число невелико, и это еще раз подчеркивает национальную специфику данного жанра устного народного творчества, национальные приоритеты в выборе имен, несмотря на их обобщающую функцию. Это такие устойчивые народные выражения: *Ерема, Ерема! Сидел бы ты дома да точил веретена* [5, т. I, с. 255] и *Ярьома, Ярьома, посидь лучше дома* [14, с. 443]; *На безлюдье и Фома дворянин. На безлюдье и сидни в честь* [5, т. I, с. 75] и *На безлюдді і Хома – пан* [14, с. 121]; *Не бей Фому за Еремину вину* [5 т. I, с. 145] и *Іноді б'ють Хому за Яремину вину* [14, с. 145]; *Фома*

неверующий. *Не вижу, так и не верю* [5, т. II, с. 142] и *Хома ти невірний* [14, с. 755]; *Ерема в воду, Фома ко дну: оба упрямы, со дна не бывали* [5, т. I, с. 160] и *Ярема в воду, Хома на дно: обоє уперті* [14, с. 461]; *Всякому по Якову* (т. е. всем равно) [5, т. I, с. 148] и *Усякому по Якову* [14, с. 719]; *Не всякому по Якову, а кому бог даст* [5, т. I, с. 148] и *Не всякому по Якову* [14, с. 427].

В ряде случаев при единстве структуры, значения, полном или частичном совпадении компонентного состава пословицы или поговорки имена все же отличаются, хотя и символизируют одни и те же человеческие качества: *На бедного Макара и шишки валяться* [5, т. I, с. 110] и *На бідного Хому і дерево пада* [14, с. 15]; *Улита едет, когда-то будет. Едет Емеля – ждуть его неделю* [5, т. II, с. 63] и *Уляна йде, колись-то буде* [14, с. 416], при этом имена *Улита* (разговорная форма от *Иулитта* [10, с. 283]) и *Уляна* (разговорная форма от имени *Юліана*, восходящего к торжественно-церковному *Іуліанія* [13, с. 407]) частично сближаются в звучании в своей старой, канонической форме.

Все же наиболее значимыми в плане отражения национального менталитета являются топонимы, к которым в большей степени можно отнести уже приведенное высказывание Н. А. Никонова. В паремийных текстах зафиксированы самые разнообразные топонимы, называющие огромные территории и конкретные места, где происходили значимые для истории русского и украинского народов события. Это макротопонимы (*Россия, Русь, Орда, Литва, Польша и Україна, Америка*), указывающие не только на национальную принадлежность данных фольклорных текстов (*На Руси никто с голоду не умиривал* [5, т. I, с. 257], *Пішов на Вкраїну, на степи, на вольні землі* [14, с. 155]), но и запечатлевшие для потомков страницы истории (*Старших и в Орде почитают* [5, т. I, с. 193], *Бейся с ним, как с Литвой* [5, т. I, с. 200], *Що таке Америка, спитай у Каленика: їздив по гроші, а привіз гниди та воші* [14, с. 15]). Среди астионимов (названий городов) помимо национальных представлены и немногочисленные иноязычные: *Париж и Рим, Краків, Відень (I в Відні люди бідні* [14, с. 15]). Из национальных астионимов в паремиях встречаются названия столиц (*Москва, Петербург (Питер) и Київ*), губернских, уездных, волостных городов (*Кострома, Новгород, Псков, Тула, Кинешима, Серпухов и Харків, Львів, Полтава, Очаків, Тростянець, Золотоноша*), дающие представление и о территориально-административной структуре государства, и об истории или времени возникновения городов (*Город Чернь годом старше Москвы* [5, т. I, с. 267], *Старший Галич відо Львова* [14, с. 288]), их размерах (*Ніжин більш од Носівки тільки одною хатою* [14, с. 289]), а также комонимы (наименования сел и деревень): *Кому село Любово, а мне горе лютое* [5, т. I, с. 53], *Толтинец да Слопинец (села) ворам кормилец (старин.)* [5, т. I, с. 263].

Следует отметить, что самыми частотными топонимами являются астионимы *Москва* в русских паремиях и *Киев* – в украинских. Они называют столицу государства (*В тереме высоко, а до Москвы далеко* [5, т. I, с. 107], *За дурними нічого в Київ їхати, вони й тут є* [14, с. 392], *Аж Київ видно* [14, с. 589]), выступают символом государственной и политической власти (*Живи, живи, ребята, пока Москва не проведала* (старин. урал. каз.) [5, т. I, с. 258]), символом достатка (*В Москве все найдешь, кроме птичьего молока* [5, т. I, с. 259]).

Для русских паремий характерно широкое употребление микротопонимов (названий внутригородских объектов), большинство из которых – московские урбанонимы, выполняющие функцию «путеводителя» по Москве (*Шел молодец по Пресне да свалился* [5, т. I, с. 43], *Два брата с Арбата, а оба горбата* [5, т. I, с. 259], *Как положат на Рогоже (Рогожское кладбище в Москве), так быть в Городце (Нижегородской губернии); а как на Городце, так и на всем крещенном миру (раск.)* [5, т. I, с. 31]).

Еще одна особенность русских паремий – большое число отонимных образований, служащих для наименований жителей. Они представляют собой своеобразную географию ремесел на Руси и также формируют национальный менталитет. Например: *кинешемцы и решемцы – суконники; солигаличане – известняки, бревенники; варнавинцы – медовики* [5, т. I, с. 264]; *вытегоры – камзольники* [5, т. I, с. 266]; *усольцы – огуречники; вятичи – толоконники, Вани* [5, т. I, с. 264]; *рославцы – дегтяри* [5, т. I, с. 269].

И русские, и украинские устойчивые выражения включают в свой состав гидронимы, которые как бы очерчивают границы государств (*Більше, турок, за Дунай виходити не думай* [14, с. 206]), дают характеристику физических свойств и местоположения топообъектов (*Волга-матушка – глубокая, раздольная, разгульная. Днепр – быстрый, широкий. Дон Иванович тихий, золотой. Дунай Иванович, Прут, Днестр, Неман – порубежные. Урал – золотое дно, серебряна покрывка* [5, т. I, с. 270]), образно описывают расстояния между населенными пунктами (*Копна от копны, как от Ростова до Москвы* [5, т. II, с. 329]), позволяют наглядно представить природные богатства (*В Сибири бабы коромыслами соболей бьют* [5, т. I, с. 258]), особенности рельефа местности (*Москва горбатая, горбатая старушка* (т. е. на холмах) [5, т. I, с. 259], *В Луцьку все не по-людськи: кругом вода, а в середині біда* [14, с. 288], *Ромен город на горі, по дві дурниці на дворі* [14, с. 289]), иносказательно называют физические характеристики или определенные качества человека (*Этот нос – через Волгу мост. Этот нос сто лет рос* [5, т. I, с. 245]).

Паремии с топонимическим компонентом содержат самые разносторонние описания исторического прошлого народов: характеристику роли городов в развитии государства (*Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова* [5, т. I, с. 258]), экономического и социального положения (*І в Києві, і в Харкові – всюди злидні однакові* [14, с. 30], *Попа однакові, що в нас, що в Кракові* [14, с. 222], характеристику политической власти (*Москва всем городам мать* [5, т. I, с. 258], *Москва ни о ком не плачет. Москвы не разжалобишь* [5, т. I, с. 112], *Де папа, там і Рим* [14, с. 132]) или религии (*Був у Римі – та й папи не бачив* [14, с. 442]).

Большинство онимов данной группы – реально существующие топонимы, которые в составе пословиц и поговорок не только выполняют назывную функцию, указывая на конкретное место событий или действий (*В Москве недорода хлеба не бывает* [5, т. I, с. 259], *У Попівці хліб по копійці, а в Перекопі хліб по копі* [14, с. 288]), но и используются в сравнительных конструкциях как символы определенных понятий (*Большой в дому, что хан в Крыму* [5, т. II, с. 87], *Азия Африки честнее, август марта теплее* [5 т. II, с. 282]), а некоторые из них – еще и в функции хронотопа (*отогрелся в Москве, да замерз на Березине* (1812 г.) [5, т. I, с. 46], *От бородинской пушки под Москвой земля дрожала* [5, т. I, с. 203], *Пропа, як швед під Полтавою* [14, с. 206], *Добувсь, як під Очаковом* [14, с. 206]).

В составе топонимов, так же как и среди антропонимов, имеются вымышленные единицы, которые отражают своеобразное народное миропонимание, свидетельствует о народной мудрости, народном юморе (*Обыватель Голодалкиной волости, села Обнищухина* [5, т. I, с. 65], *Из села Помелова, из деревни Вениковой* [5, т. I, с. 256], *Ушел в Ершову волость (утонул)* [5, т. I, с. 226], *Село Врелихино на речке Повирушке* [5, т. II, с. 199], *Ви часом не з Брехунівки?* [14, с. 171]). Зафиксированы в паремиях и примеры этимологизации семантики топооснов, при этом в русских устойчивых выражениях семантизируются вымышленные топонимы (*Хорошо Хорошево (подмосковное село), да не наше, цареве* [5, т. II, с. 101], *Поймали волка в Волосатове, тащили волка через Лобково, через Глазково, через Носково, через Ротково, убили волка в Ногтеве* (вошь) [5, т. II, с. 377]), а в украинских – ре-

альные (*Чи ти з-під Глухова, глухий?* [14, с. 542], *Золотоноша з золота, а Лубни з лубків* [14, с. 289]).

В русских и украинских паремиях также имеются эквивалентные образования с топонимами, однако, в отличие от антропонимических компонентов, которые чаще всего представляют собой национальные варианты одного и того же имени, топонимы практически не меняются (*Язык до Киева доведет. Спрос все укажет* [5, т. I, с. 216] и *Язык доводит до Киева, а часом і до кия* [14, с. 482], *Пропал, как швед под Полтавой* [5, т. I, с. 77] и *Пропав, як швед під Полтавою* [14, с. 206] и др.).

Проанализированный иллюстративный материал далеко не исчерпывает многообразия русских и украинских паремий с онимным компонентом, но уже он дает представление, с одной стороны, об их общих или сходных признаках, а с другой – о специфике национального мышления, национального характера, национального отражения реальной действительности, шире – национально-языковой картины мира, т. е. наглядно подтверждает тезис о том, что собственные имена выступают маркерами национальной ментальности.

Библиографические ссылки

1. **Большой толковый словарь русского языка** / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб., 2000.
2. **Бондалетов В. Д.** Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М., 1983.
3. **Буслаев Ф. И.** Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. И. Буслаев. – М., 1954.
4. **Гачев Георгий.** Национальные образы мира / Георгий Гачев. – М., 1988.
5. **Даль В. И.** Пословицы русского народа : в 2-х т. / В. И. Даль. – М., 1994.
6. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987.
7. **Колесник Н. С.** Особові імена в українських народних обрядових піснях : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. С. Колесник. – Тернопіль, 1998.
8. **Кондратьева Т. Н.** Собственные имена в русском эпосе / Т. Н. Кондратьева. – Казань, 1967.
9. **Маслова В. А.** Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2004.
10. **Петровский Н. А.** Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М., 1995.
11. **Роль человеческого фактора в языке.** Язык и картина мира / [отв. ред. Б. А. Серебrenников]. – М. : Наука, 1988.
12. **Суперанская А. В.** Эволюция теории имени собственного в Европе / А. В. Суперанская // Вопросы филологии. – 2002. – № 3(12). – С. 5–17.
13. **Трійняк І. І.** Словник українських імен / І. І. Трійняк. – К., 2005.
14. **Українські народні прислів'я та приказки.** Дожовтневий період / [упоряд. В. Бобкова, Й. Багмут, А. Багмут]. – К., 1963.
15. **Щетинин Л. М.** Имена и названия / Л. М. Щетинин. – Ростов н/Д., 1968.

Надійшла до редколегії 17.03.08